

Второй путь решения обозначенной проблемы связан с внесением изменений, причем существенных, в УПК. Дело в том, что «началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении (курсив мой. – А.Х.) и, соответственно уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела из УПК должны быть исключены» [4, с. 30]. За исключение стадии возбуждения уголовного дела высказываются и белорусские ученые [5, с. 282]. Такой путь в решении обозначенной проблемы представляется наиболее оптимальным.

Подводя итог вышеизложенному, отметим необходимость совершенствования практики осуществления тактических операций. Это будет способствовать результативному сбору доказательств и изобличению преступника.

Библиографический список

1. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Университетское, 1979. 144 с.
2. Хлус А. М. Криминалистика : курс интенсив. подгот. Минск: ТетраСистемс, 2008. 256 с.
3. Хлус А. М. Теоретические и практические аспекты задержания взяточника с поличным // Библиотека криминалиста. 2017. № 3. С. 206–217.
4. Гаврилов Б. Я. Влияние стадии возбуждения уголовного дела на эффективность расследования // Организационно-методические проблемы расследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. Краснодар : КубГАУ, 2016. 180 с.
5. Данилевич А. А., Самарин В. И. К вопросу о начале уголовного процесса // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29 марта 2013 г. Краснодар : КубГАУ, 2013. С. 276–283.

УДК 342.15

Национальная академия Государственной пограничной службы Украины

Филиппов С. А.

Баланс между барьерностью и контактностью границы в свете интернационализации криминальных угроз

В криминологической науке словосочетанию «трансграничная преступность» соответствуют коннотации широкого содержательного спектра. Но каждой из них присуще наличие такого признака, как пересечение субъектом государственной границы или перемещение предметов через государственную границу (далее – ГГ). В свою очередь имманентным свойством границы является ее барьерность, т. е. избирательная проницаемость для различных людей, категорий товаров и т. д. Характеристикой границы, противоположной барьерности, является ее контактность. Каково должно быть соотношение барьерности и кон-

тактности границы в целях эффективного противодействия трансграничной преступности в свете интернационализации криминальных угроз? Приглашаем криминологов к дискуссии по этому вопросу.

В общественном сознании бытует мнение, что закрытость границы, связывается с высоким уровнем ее барьерности, снижает уровень трансграничной преступности. В то же время в трудах по результатам исследований, проводившихся зарубежными криминологами за последние 25 лет, мы неоднократно встречаем тезис о том, что границы в меньшей степени являются препятствием для преступной деятельности, чем для сотрудничества в борьбе с трансграничной организованной преступностью. В частности, фактически в такой формулировке этот тезис встречается в публикации профессора университета Лозанны (Швейцария) Martin Killias «Приводит ли открытость границ к увеличению уровня преступности?». Правда, эта работа опубликована почти четверть века назад [1]. В унисон этой позиции звучит и мнение известного криминолога из Гааги (Нидерланды) Petrus C. van Duynе, который связывал барьерность границ с противодействием трансграничной преступности в пределах национальных юрисдикций, что считал архаичным устаревшим явлением [2]. Указанные авторы скептически относятся к идее о контроле над преступностью путем увеличения интенсивности контроля за границами. При этом не забываем исторический контекст того времени – принятие Маастрихтского договора, которым положено начало созданию Европейского союза, с чем и связаны как иллюзии, так и опасения, характерные для отдельных криминологических исследований. Фактически этой же логикой руководствуется Виталий Номоконов, который считает, что «преступность не знает границ, а преступники любые границы пересекают очень успешно, не знают межнациональной розни и сотрудничают друг с другом, несмотря на споры между странами, гражданами которых они являются» [3].

Обычно пограничные службы обеспечивают барьерную функцию, предусматривающую противодействие незаконному перемещению через ГГ лиц, оружия, наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, боеприпасов, взрывчатых веществ, отдельных видов материалов и предметов. На них также возлагается обеспечение контактной функции, включая бесперебойный (при условии соблюдения законодательства) пропуск через ГГ лиц, транспортных средств, грузов и предметов. В идеале для законопослушных участников трансграничного движения ГГ должна быть минимально барьерной и максимально контактной («дружелюбной»), а для незаконных – барьерной («непроницаемой»). Ученые обращают внимание на реальное влияние барьерности при охране границы на уровень трансграничной преступности. За исходный фактологический базис возьмем едва ли не пророческие для многих современных государств выводы профессора Louise I. Shelley (США), сделанные ею в 2006 г. Проблемы недостаточных финансовых ресурсов, недостаточного обучения, низкой заработной платы и коррупции означают, что эффективная охрана границы является реальностью лишь в некоторых регионах мира. Даже островные государства Австралия и Япония не свободны от проблем трансграничной преступности [4].

Вместе с тем в условиях глобализации мы наблюдаем разнообразие моделей межгосударственных отношений в пограничной сфере, существующих параллельно. Очевидно, что их влияние на характер трансграничной преступности различно. Действительно, мы помним применение широкомасштабных мер в США по повышению уровня барьерности границы с Мексикой в конце прошлого и начале нынешнего века. Эти меры привели к оседанию мигрантов, уже не имеющих возможности поехать в Мексику, и едва ли не трехкратному увеличению их количества за десять лет. Это, как мы понимаем, тут же стимулировало развитие нелегальных способов заработка, связанных с перемещением, «легализацией» мигрантов и т. д.

Полярными, по сути, являются концепции пограничной безопасности, которые условно можно обозначить как «пограничная стена» и «мир без границ». Каждой из данных концепций соответствует свой уровень барьерности границы. В частности, по классификации Дмитрия Куприенко, существуют следующие уровни барьерности границ [5]: 1) транснационального сообщения нет, границы полностью барьерные, охраняются милитарно; 2) уменьшенная военная функция государственной границы, восстанавливается общественно-экономическое значение границ; 3) стабильными являются экономическое (пошлины) и общественное (визы) значения границ; 4) экономическое значение границ теряется в связи с либерализацией торговли, но остается визовый режим; 5) происходит либерализация товарного оборота и введение безвизового перемещения; 6) полная либерализация товарного оборота, пограничный контроль упрощен и ограничен; 7) полная либерализация товарного оборота, полная свобода перемещения, максимально упрощенный контроль режима ГГ; 8) перемещение через ГГ может происходить в любом месте в любое время, полная ликвидация всех видов контроля на ГГ.

Примером первого уровня барьерности является ГГ между Республикой Корея и КНДР. Восьмой уровень барьерности характерен для внутренних границ между государствами – членами ЕС. В то же время данная классификация не отражает негативных факторов снижения уровня барьерности, которые могут исходить от уменьшения активности социодинамики конкретного государства. Например, процесс регресса государственно-правовых отношений от стабильных к неустойчивым и в несостоятельных государствах, по определению Robert Rotberg, и распадающихся государств сопровождается потерей способности государственных институтов контролировать свои границы, а следовательно, и уменьшает уровень барьерности [6]. Этот вывод подтверждает и Louise I. Shelley, отмечая, что некоторые категории приграничных территорий особенно уязвимы к проблемам транснациональной преступности и терроризма [4, с. 258]. Примером таких государств, где ситуация в стране и на ее границах практически не контролируется правоохранительной системой, является Ливия. На территории этой страны мы наблюдаем массовый характер трансграничных преступлений. Миссия ЕС по оказанию приграничной помощи Ливии призвана оказать практическую помощь стране в вопросе организации охраны южных

сухопутных и северных морских рубежей, через которые осуществляется переправка значительной части незаконных мигрантов. Отчет Миссии от 24 января 2017 г. прямо свидетельствует о неспособности национальных правоохранительных органов Ливии эффективно противодействовать трансграничным преступлениям [7].

Необходимым в интересах нашего исследования является установление наличия или отсутствия влияния элементов уровня барьерности на эффективность предотвращения трансграничной преступности. Это исследовательское задание мы выполняли на материале пограничного контроля (ПК), осуществляемого на международных пунктах пропуска (ППР) для автомобильного сообщения для пассажирских и грузовых перевозок. Нами оценено влияние мероприятий по совершенствованию ПК на уровень избирательной барьерности границы для лиц, входящих в «группу риска». В течение 2017 г. проведен опрос пограничников со стажем практической службы на международных ППР от 5 лет (Алжир, Тунис, бывшая Югославская республика Македония, Грузия, Молдова, Таджикистан, Литва, Украина). Сферы и показатели оценивания указаны на рис. 1. Следующим этапом планируем провести оценку эффективности этих мер и их влияние на предупреждение трансграничных преступлений.

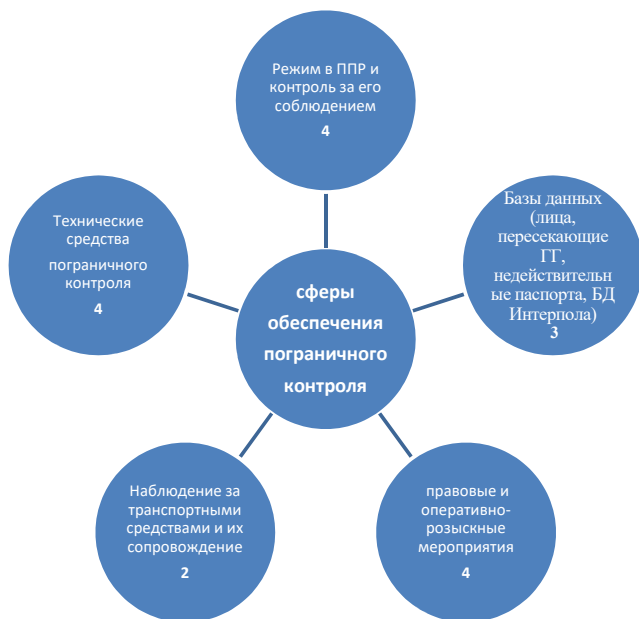

Рис. 1. Показатели влияния мер по совершенствованию пограничного контроля в различных сферах на уровень барьерности для «групп риска»

Выводы: технологизация в различных сферах ПК увеличивает возможности эффективного контроля с одновременным снижением задействования человеческих и временных ресурсов. Это позволяет акцентировать основное внимание контролирующих органов на «группы риска». Предварительные результаты нашего исследования не демонстрируют прямой корреляционной связи между уровнем барьерности и уровнем трансграничной преступности. Вместе с тем трансграничные кризисы, которые мы наблюдаем в последние годы, результативность способов реагирования на них, доказывают, что мир без границ возможен в будущем, но точно не сегодня. Никакие проекты либерализации ПК в мире не сопровождаются полным лишением страны системы ее защиты, которой является надежная охрана ГГ. Миграционный кризис в Европе продемонстрировал, что меры физической охраны ГГ (на примере реализации Турцией и странами ЕС мартовского 2016 г. соглашения между Анкарой и Брюсселем) оказались фактором значительного снижения уровня трансграничной преступности [8]. Дело заключается в том, чтобы обеспечить разумный баланс между должным уровнем барьерности в случае наличия совокупности данных о возможном правонарушении и должным уровнем контактности границы при отсутствии таких данных.

Библиографический список

1. *Killias M.* Will open borders result in more crime? A criminological statement // European Journal on Criminal Policy and Research. Volume 1 no 3/ Cross-border crime. Amsterdam, New-York, The Hague. 1993. 144 p.
2. *Van Duyne P.* Organized crime markets in a turbulent Europe // European Journal on Criminal Policy and Research. Volume 1 no 3/ Cross-border crime. Amsterdam, New-York, The Hague. 1993. 144 p.
3. Transnational Organized Crime and Russia: monography / V. Nomokonov etc. Vladivostok: Far East Federal University Press, 2010. P. 232
4. *Shelley L.* Borders and Security Governance: Managing Borders in a Globalised World // Marina Caparini LIT Verlag Münster, 2006. 315 p.
5. *Купрієнко Д. А.* Метод управління розвитком системи прикордонної безпеки // Наука і оборона. 2016. № 2. С. 11–16.
6. *Rotberg R.* Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators // State Failure and State Weakness in a Time of Terror. Washington, 2003. P. 7–17.
7. EUBAM-Libya initial mapping report executive summary: Working document of the European External Action Service of 24/01/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://statewatch.org/news/2017/feb/eu-eeas-libya-assessment-5616-17.pdf>
8. *Filippov S.* Dynamics and Geographical Distinctions of Crime connected with Migrants' Moving to Europe on Different Routes / Addressing Security Risks at the Ukrainian Border Through Best Practices on Good Governance: Editors R. Kęsek et al. 2016. Amsterdam: IOS Press. Volume 129. P. 21–27.